

*Фарфорова
кукла*

Сергей Патрушев

Сергей Патрушев
Фарфоровая кукла

«Автор»

2026

Патрушев С.

Фарфоровая кукла / С. Патрушев — «Автор», 2026

Принцессу Элиану при дворе называют фарфоровой куклой — красивой, хрупкой и бесполезной. Всё, чего от неё ждут, — удачный династический брак. Но когда пленного северного вождя Кайена приговаривают к казни, король даёт дочери первое настоящее задание: за семь дней вывести у него военную тайну. Она спускается в темницу — и встречает не жестокого дикаря, а человека, который молчал под пытками, но заговорил с ней. Одна игра в кости на правду меняет всё. Элиана узнаёт: она не просто принцесса, а Ключ — последняя из Хранителей, чьё прикосновение разрушает любые заклятия. Когда от её поцелуя с Кайена спадает магический ошейник, а подземелье озаряет древняя магия, обратной дороги больше нет. Теперь они — беглецы. Враги короны. Последняя надежда уничтоженного народа. И единственный шанс на спасение — разбудить силу, которая спала под землёй тысячу лет.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Приговор	5
Глава 2. Хлеб без мышьяка	19
Глава 3. Игра в кости	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Фарфоровая кукла

Глава 1. Приговор

Судный зал Дарранийского дворца гудел, точно растревоженный улей в разгар летнего полдня, когда пчелы, почуяв угрозу, готовы сорваться с сот и броситься на незваного гостя. Сквозь высокие витражные окна, изображавшие сцены из истории королевства — основание Даррана, победу над морскими захватчиками, коронацию первого Дариана, — лился полуденный свет, щедрый и торжественный. Он окрашивал каменный пол в багряные и золотые тона, цвета королевского дома, и от этого казалось, будто весь зал залит кровью и расплавленным золотом одновременно. Солнечные лучи преломлялись в гранях огромных люстр, подвешенных к сводчатому потолку, и разбрасывали по стенам десятки крошечных радуг — неуместно радостных, почти издевательских в своей красоте.

Элиана стояла в тени трона, справа от отца, на том самом месте, которое занимала на всех официальных церемониях с тех пор, как ей исполнилось четырнадцать. Пять лет она стояла здесь — молчаливая, прямая, безупречная, точно искусно расписанная статуя святой покровительницы, которую выставляют в храме по большим праздникам. Она давно привыкла к этой роли, научилась стоять неподвижно часами, научилась сохранять на лице выражение кроткого внимания, научилась дышать так, чтобы даже шелк на груди не колыхался. Но сегодня всё было иначе. Сегодня воздух в зале был пропитан не привычным церемониальным благоговением, а чем-то иным — густым, почти осязаемым напряжением, от которого першило в горле и хотелось то и дело облизывать пересохшие губы.

Тяжелый парадный наряд стягивал ребра, не давая дышать полной грудью. Корсет из серебристой парчи, расшитый мелкими рубинами, каждый из которых стоил годового жалования капитана королевской гвардии, был надет поверх шелкового платья цвета слоновой кости. Платье струилось до самого пола, и его подол был украшен вышивкой — тончайшей, почти невидимой глазу, изображавшей переплетенные ветви розы и терновника, символ дома Дарианов. Наряд этот был достоин принцессы, спору нет, но Элиана ненавидела его всей душой. Он был создан не для того, чтобы в нем жить, двигаться, дышать, — он был создан для того, чтобы на него смотрели. Он превращал её в экспонат, в драгоценность, в ту самую «фарфоровую куклу», о которой так любили шептаться придворные дамы, полагая, что принцесса не слышит. А она слышала. Она всегда всё слышала — этот шепот, эти смешки, эти приторно-сладкие комплименты, за которыми скрывался яд.

Суд длился уже третий час. Элиана потеряла счет именам и титулам — советники, лорды, генералы, магистры гильдий, даже пара представителей купеческих союзов, допущенных в зал по особому разрешению. Все они говорили наперебой, и каждый старался перекрыть другого, чтобы его голос был услышан королем. Это напоминало ей птичий базар на скалах восточного побережья, который она видела однажды в детстве, когда отец взял её с собой в инспекционную поездку. Тысячи чаек кричали одновременно, и ни одна не слушала другую. Сейчас было то же самое, только чайки были одеты в бархат и золото и кричали не о рыбе, а о чести, долге, справедливости и возмездии.

Дариан IV, её отец, восседал на резном троне из черного дуба, подперев кулаком подбородок, и слушал — или делал вид, что слушает. Его корона — тяжелый обруч из золота

с тремя крупными сапфирами, каждый размером с голубиное яйцо — казалась частью его самого, неотделимой, как седина в волосах или глубокие морщины, пролегшие от крыльев носа к уголкам рта. Элиана знала, что отец не снимает корону даже в минуты отдыха, когда остается один в кабинете. «Корона — это не украшение, — сказал он ей однажды, когда она была совсем маленькой и спросила, почему он не снимет её, ведь она, наверное, тяжелая. — Корона — это напоминание. Каждый раз, когда она давит на голову, я вспоминаю, что несу ответственность за всех, кто живет на этой земле. И если я сниму её хотя бы на миг, я могу забыть об этом».

Отец редко перебивал выступающих, редко задавал вопросы, но каждое его слово падало в зал, точно камень в стоячую воду, заставляя умолкнуть даже самых крикливых. Это было особое искусство — искусство королевского молчания, — и Элиана до сих пор не понимала, как ему это удается. Он говорил тихо, почти вполголоса, но акустика зала, спроектированная лучшими архитекторами три столетия назад, подхватывала его слова и разносила их так, что слышал каждый, даже стоящий в самом дальнем углу.

Лорд-канцлер Орвин, сухонький старик с бескровным лицом и длинными, как паучы лапки, пальцами, заканчивал зачитывать официальные обвинения. Элиана смотрела на него и думала, что он похож на оживший пергамент — такой же желтоватый, сухой, шуршащий при каждом движении. Орвин занимал свою должность уже тридцать лет, он служил ещё деду нынешнего короля, и за эти десятилетия стал чем-то вроде дворцовой мебели — все настолько привыкли к его присутствию, что перестали замечать. Однако сегодня даже он казался взволнованным: его пальцы, державшие свиток с приговором, едва заметно дрожали, а голос, обычно монотонный, как жужжание мухи, то и дело срывался на более высокие ноты.

Элиана перевела взгляд на центр зала, туда, где находился объект всего этого грандиозного спектакля. На каменном возвышении, огороженном магическим барьером — она видела его лишь как едва заметное мерцание в воздухе, похожее на дрожание горячего воздуха над раскаленной летней дорогой, — стоял на коленях он. Пленный, ради которого и собрался весь этот суд, вся эта толпа, весь этот крик. Кайен.

Имени его клана северяне не называли. Это была одна из странностей северных племен — их имена были священны, они верили, что имя несет в себе силу, и называть его чужаку означало отдать эту силу в чужие руки. Те немногие пленные, которых удалось захватить за три года войны, либо не знали его кланового имени, либо предпочитали умереть под самыми изощренными пытками, но не выдать его. Дознаватели короля перепробовали всё — от классической дыбы до сложных магических воздействий, от подкупа до угроз убить семьи, — и ничего не добились. Северяне умирали молча, с каким-то даже облегчением, будто смерть была для них не наказанием, а избавлением. Это пугало больше всего. Армия, солдаты которой не боятся смерти, — такая армия непобедима. Или была бы непобедима, если бы не одно «но»: даже самые храбрые воины могут проиграть, если их ведет в бой плохой командир. Но Кайен не был плохим командиром. За три года войны он не проиграл ни одного крупного сражения — до битвы при Ледяном перевале. И даже там, даже проигрывая, он сумел увести остатки своего войска в горы, в те непроходимые места, куда не рисковали соваться даже самые опытные следопыты Даррана.

Северный дикарь — так его называли здесь, в Дарране. Это прозвище звучало одновременно как приговор и как заклинание, призванное умалить страх перед ним, сделать его меньше, примитивнее, понятнее. Дать ему имя, которое можно было бы презирать. Но Элиана, глядя на коленопреклоненную фигуру в центре зала, не чувствовала презрения. Она вообще

не понимала, что чувствует. Это было странное, тянущее ощущение где-то под ложечкой — не страх, не любопытство, а что-то среднее, чему она не могла подобрать названия.

Он был высок. Даже стоя на коленях — а его заставили опуститься на колени, едва ввели в зал, и сковали руки за спиной зачарованными кандалами, которые светились тусклым синим светом, — он всё равно казался крупнее большинства мужчин, собравшихся здесь. В нем было что-то от дикого зверя, посаженного в клетку, — не сломленного, не прирученного, а просто ждущего. Ждущего чего? Элиана не знала. Широкие плечи обтягивала грубая ткань серой рубахи, разорванной в нескольких местах, и сквозь прорехи виднелись старые шрамы — беледые полосы на смуглой коже, пересекавшие друг друга, точно карта неведомой страны. Некоторые шрамы выглядели старыми, почти заросшими, другие — более свежими, розоватыми. Шрамы от мечей, от стрел, от когтей — она слышала, что в северных горах водятся огромные белые медведи, и теперь гадала, не от их ли когтей остались эти отметины. Волосы его, темно-русые, спутанные и давно не мытые, падали на лицо, скрывая его черты. Он не поднимал головы с того самого момента, как его ввели, и это казалось странным. Элиана видела других пленников за эти годы — их проводили через дворцовые залы не так уж редко, хотя обычно не с такой помпой. Они кричали, проклинали, молили о пощаде, пытались вырваться, плевались в стражников или хотя бы смотрели на судей с вызовом, пытаясь сохранить остатки гордости. Человеческое достоинство — вот что они пытались сохранить. Этот же просто стоял на коленях, опустив плечи, будто всё происходящее его не касалось, будто он был не живым человеком, которому только что зачитали смертный приговор, а каменным изваянием.

Или нет. Не совсем. Присмотревшись, Элиана заметила, что он не был полностью неподвижен. Его пальцы — длинные, с обломанными ногтями и засохшей кровью под ними — едва заметно шевелились за спиной. Не в попытке освободиться от оков, нет. Это было другое движение — ритмичное, размеренное, будто он что-то считал. Или что-то плел в воздухе. Элиана слышала о северных шаманах, которые умели творить магию без слов и жестов, одной лишь силой мысли. Но это были сказки, не так ли? Старые бабушкины истории, которыми пугали детей на ночь?

Лорд-канцлер Орвин наконец добрался до главной части своего выступления. Его голос, монотонный и скрипучий, разносился под сводами зала, и каждое слово впечатывалось в тишину, точно печать в горячий воск.

— Именем Его Величества короля Дариана Четвертого, защитника короны и хранителя южных земель, повелителя Пяти морей и покровителя Священного ордена магов, объявляется: пленный, известный как Кайен из северных кланов, сын неизвестного отца, вождь враждебных племен, признан виновным в убийстве королевского мага Арлена из дома Винсент, кавалера ордена Золотой звезды, члена Тайного совета Его Величества. Признан виновным в пособничестве врагам короны, в ведении войны против Дарранийского королевства без объявления оной, в разорении семнадцати приграничных деревень, в убийстве подданных короны числом более восьми тысяч, в колдовстве и сношениях с темными силами, а также в отказе назвать местонахождение остатков своего войска, чем препятствует установлению мира и спокойствия на северных рубежах королевства. Приговор — смертная казнь через обезглавливание. Исполнение назначено на седьмой день от нынешнего, в час полуденного колокола, на Главной площади столицы, дабы все подданные короны, от мала до велика, могли узреть торжество справедливости и возблагодарить богов за дарованную победу.

Орвин замолчал, и по залу прокатился одобрителный гул. Кто-то из лордов ударил кулаком по подлокотнику — то ли в знак одобрения, то ли просто желая напомнить о своем присутствии. Кто-то выкрикнул «Смерть дикарю!», и этот выкрик подхватили ещё несколько голосов. Советники обменивались довольными взглядами, генералы удовлетворенно кивали, купцы потирали руки — окончание войны означало возобновление торговли с северными провинциями, а это сулило огромные прибыли. В воздухе витал запах крови — метафорической пока что, но скоро, очень скоро он станет реальным.

Элиана вздрогнула. Семь дней. Эта цифра застряла у неё в голове, точно заноза под ногтем. Почему семь? Обычно приговоренных казнили на следующее утро, самое позднее — через день. Так требовал закон, так требовала безопасность — чем дольше пленник остается в живых, тем больше шансов, что его сообщники попытаются организовать побег. За те годы, что Элиана прожила во дворце, она помнила лишь два случая, когда казнь откладывали на несколько дней. Один раз — когда нужно было провести расследование и допросить сообщников. Второй раз — когда приговоренный был тяжело болен, и король желал, чтобы он принял смерть в полном сознании, осознавая, за что его казнят. Ни то, ни другое не подходило к этому случаю. Кайен был здоров — насколько можно судить по внешнему виду человека, прошедшего через пытки. А допрашивать его дознаватели уже пытались и не преуспели. Так зачем откладывать?

Семь дней — это не казнь, это ожидание казни. Семь дней — это пытка страшнее удара топора. Семь дней, чтобы думать о смерти, представлять её, чувствовать, как она подбирается всё ближе с каждым часом. Отец что-то задумал. Она знала его достаточно хорошо, чтобы понимать: в каждом его решении, даже самом незначительном, всегда скрывался второй, а то и третий смысл. Король не играл в простые игры. Его шахматные партии с советниками длились годами, и каждый ход был просчитан на десять шагов вперед. Если он дал этому человеку семь дней — значит, эти семь дней для чего-то нужны.

Она снова посмотрела на пленника. И в этот самый момент он поднял голову.

Это произошло без предупреждения, без резкого движения — он просто медленно, будто преодолевая огромную тяжесть, распрямил шею и посмотрел прямо перед собой. Его взгляд скользнул по лицам лордов — по жирным, лоснящимся физиономиям южных аристократов, по постным лицам советников, по напряженным лицам генералов, — скользнул по трону, по королю, задержавшись на нем лишь на долю секунды, и наконец остановился. На ней. На Элиане.

Она почувствовала, как сердце пропустило удар, а затем забилось быстрее, гулко отдаваясь в висках, в горле, в кончиках пальцев. Ей показалось, что этот стук слышен на весь зал, что все сейчас обернутся и увидят, как краска заливает её щеки, как предательски расширяются зрачки. Нет, это был не вызов. И не мольба. И не ненависть. Его глаза — светлые, почти прозрачные, цвета зимнего неба над горами, того самого неба, которое она видела однажды на картине в отцовской галерее, — смотрели на всё происходящее с пугающим, неестественным спокойствием. Так смотрит человек, который уже всё просчитал. Который знает что-то, чего не знает никто в этом зале. Так смотрит игрок, который видит доску на десять ходов вперед и уже знает, чем закончится партия.

Элиана заставила себя не отвести взгляд. Это было трудно — почти физически трудно, как смотреть на солнце в полдень. В его глазах было что-то, чего она не могла понять, что-то

древнее и глубокое, как вода в колодце, вырытом тысячу лет назад. Ей вдруг пришла в голову безумная мысль: он видит её насквозь. Видит все её страхи, все её тайные желания, все её сомнения. Видит ту самую «фарфоровую куклу», в которую её превратила придворная жизнь, — и видит что-то ещё, что-то под этой кукольной оболочкой, что-то, о чем она сама почти забыла.

Стражник, стоявший позади пленника, заметил, что тот поднял голову, и грубо толкнул его в плечо — удар был такой силы, что любой другой человек упал бы лицом вниз. Но Кайен лишь покачнулся, не разрывая зрительного контакта с принцессой, и Элиана успела заметить, как дрогнул уголок его губ. Это была не улыбка. Это была тень улыбки, намек на неё, мимолетное движение мышц, которое могло означать всё что угодно. Усмешку над происходящим. Иронию над собственной судьбой. Или нечто иное — нечто, предназначенное только ей одной, личное послание, переданное через весь зал, через магический барьер, через пропасть между принцессой и приговоренным к смерти.

Стражник ударил его снова, на этот раз по затылку, и Кайен послушно опустил голову. Мгновение было упущено. Зал снова загудел, возвращаясь к привычной суете, и никто, казалось, не заметил того, что только что произошло. Никто, кроме Элианы. И, возможно, короля.

Суд завершился быстро — гораздо быстрее, чем она ожидала. Обвинение было зачитано, приговор объявлен, пленник выведен из зала под усиленной охраной. Двое стражников подхватили его под руки — он не сопротивлялся, но и не помогал им, просто висел между ними, точно сломанная кукла, волоча ноги по каменным плитам. Цепи на его запястьях тихо звенели, и этот звук — жалобный, металлический — почему-то врезался в память Элианы сильнее, чем все крики и возгласы, звучавшие до этого.

Лорды начали расходиться, обсуждая подробности приговора с тем особым оживлением, какое бывает у людей, только что ставших свидетелями чего-то значительного. События такого масштаба случались нечасто, и каждый из присутствующих теперь мог с полным правом рассказывать внукам: «Я был там, я видел, как судили северного дикаря, я слышал, как ему зачитывали приговор». Они не думали о человеке, которого только что приговорили к смерти. Они думали о себе, о своем месте в истории, о том, как повыгоднее использовать этот момент в бесконечных дворцовых интригах.

Элиана осталась стоять на месте, глядя на опустевшее возвышение, где только что стоял на коленях человек, которому осталось жить семь дней. Магический барьер погас — один из магов-стражей сделал пасс рукой, и мерцание в воздухе исчезло, — и теперь ничто не напоминало о том, что здесь происходило. Только холодное пятно на каменных плитах, выстуженное долгим стоянием на коленях, да несколько капель крови там, где зачарованные кандалы натерли запястья до живого мяса. Элиана смотрела на эти капли, и ей казалось, что они пульсируют в такт её собственному сердцебиению.

— Ты слишком пристально на него смотрела. — Голос отца раздался прямо над ухом, и Элиана вздрогнула, резко оборачиваясь. Она не слышала, как он подошел, — король, при всей своей внешней грузности, умел двигаться совершенно бесшумно, когда хотел. Это была ещё одна его способность, которой она всегда поражалась.

Король стоял рядом, уже без короны — он снял её, едва покинув трон, и передал оруженосцу, безусому юноше из дома Корвин, который следовал за ним тенью. Без тяжелого золотого обруча Дариан казался старше и усталее, и на мгновение перед Элианой оказался не могуще-

ственный монарх, перед которым трепетали королевства, а просто пожилой мужчина с седыми висками и мешками под глазами. Но взгляд его оставался таким же острым, как у ястреба, высматривающего добычу. Этот взгляд не старел, не тускнел, не терял своей пронзительности.

— Я просто... — Элиана запнулась, подбирая слова. Она привыкла к тому, что с отцом нужно говорить осторожно, взвешивая каждое слово, — он был из тех людей, которые слышат не то, что ты говоришь, а то, что ты пытаешься скрыть. — Он не похож на убийцу.

Дариан приподнял бровь — медленно, почти лениво.

— И как же, по-твоему, должен выглядеть убийца? С клыками и когтями? С кровью на руках, которая не смывается? С клеймом на лбу, которое видно только праведникам? — В его голосе звучала насмешка, но не злая, а скорее отеческая, поучительная. — Убийцы, моя дорогая, выглядят по-разному. Чаще всего они выглядят как обычные люди. Именно поэтому их так трудно поймать. Именно поэтому Арлен мертв.

Элиана покачала головой.

— Нет, отец. Я не об этом. Когда человеку объявляют смертный приговор, он обычно... реагирует. Бойся. Злится. Хотя бы смотрит с ненавистью на тех, кто его осудил. А этот — он смотрел так, будто это не его казнили, а он сам выносил приговор. Всем нам. Будто он знает что-то, чего мы не знаем.

Она замолчала, ожидая, что отец высмеет её, скажет, что она начиталась романов или что женское воображение склонно к излишней драматизации. Так обычно говорили все вокруг — что женщина не способна к рациональному мышлению, что она видит тайны там, где их нет, что её удел — вышивание и балы. Но король не стал смеяться. Он помолчал, задумчиво поглаживая подбородок, на котором уже пробивалась серебристая щетина — день был долгим, и бриться утром было некогда.

Потом он медленно кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение — редкое выражение, которое Элиана видела на его лице всего несколько раз в жизни.

— Ты наблюдательна, — произнес он. — Это хорошо. Очень хорошо. Многие мои советники не заметили того, что заметила ты. Они видели побежденного врага, сломленного дикаря, который вот-вот получит по заслугам. А ты увидела что-то другое. — Он взял её за подбородок — пальцы у него были сухие и горячие, как всегда, — и заставил поднять голову, внимательно глядя в лицо дочери. — Именно поэтому у меня есть для тебя задание.

Элиана замерла. Задание? От отца? За все девятнадцать лет своей жизни она слышала это слово от него лишь однажды — когда ей было двенадцать, и он велел ей принять послов из Восточных княжеств в его отсутствие. Послы привезли дары — шелка, пряности, драгоценные камни, — и юная принцесса должна была улыбаться, кивать и произносить заранее заученные фразы на восточном наречии. Это было скорее испытание этикетом, чем настоящее поручение, и она справилась с ним хорошо, безупречно даже, но с тех пор ничего подобного не повторялось. Король предпочитал держать дочь подальше от государственных дел — не потому, что не доверял её уму, а потому, что опасался. Опасался за её безопасность в мире, где враги короны не гнушались никакими средствами. Опасался интриг, которые плелись вокруг трона, точно паутина, и в которых неопытная девушка могла запутаться насмерть. Опасался,

что юная принцесса, ещё не окрепшая духом, станет разменной монетой в играх советников, пешкой, которую пожертвуют ради выгодного союза или удачного хода.

— Какое задание? — Её голос прозвучал тише, чем ей хотелось бы. Она сама услышала эту дрожь и мысленно обругала себя за неё. Принцесса не должна дрожать.

— Не здесь, — Дариан огляделся по сторонам, убеждаясь, что никто из придворных не подслушивает. Это был инстинктивный жест, выработанный годами власти, — он всегда проверял, нет ли рядом лишних ушей, даже когда находился в собственной спальне. Зал почти опустел, лишь несколько стражников в тяжелых доспехах стояли у дальних дверей, да парочка слуг убирала с возвышения свитки и прочие атрибуты суда. — Приходи в мой кабинет после вечерней трапезы. Поговорим без лишних ушей. И надень что-нибудь... менее заметное. Сегодня ты была слишком яркой. Слишком многие на тебя смотрели.

Он отпустил её подбородок и, не говоря больше ни слова, направился к выходу — той особой величественной походкой, которая вырабатывается у монархов за десятилетия правления. За ним последовали оруженосец, двое телохранителей и секретарь с кипой бумаг. Элиана смотрела ему вслед, чувствуя, как внутри закипает странное, давно забытое чувство. Предвкушение? Тревога? Волнение? Она сама не могла понять, что это такое, — настолько давно она не испытывала ничего подобного. Ей давали шанс — настоящий шанс доказать, что она нечто большее, чем просто красивое лицо на официальных приемах. Что она не «фарфоровая кукла», не «бедная сиротка при живом отце», не «пешка для династического брака», как шептались за её спиной придворные дамы, полагая, что принцесса их не слышит. А она слышала. Она всегда слышала — этот шепот преследовал её с детства, с того самого дня, когда умерла мать.

Королева Изабель, её мать, умерла, когда Элиане было семь лет. Она почти не помнила её лица — только отдельные фрагменты, запахи, тактильные ощущения. Запах лаванды, которым пахли её волосы. Мягкие руки, поправляющие одеяло. Теплый смех, раздававшийся откуда-то сверху. Тихий голос, напевающий колыбельную на старо-дарранийском, языке, который теперь использовался только в храмовых службах. И отец — отец после её смерти изменился. Он не стал жестоким, нет, он никогда не был жесток с дочерью. Но он стал отстраненным. Закрытым. Он окружил Элиану заботой, лучшими учителями, лучшими нарядами, всем, чего только можно пожелать, — и при этом держал её на расстоянии вытянутой руки, будто боялся подпустить слишком близко. Будто боялся, что потеряет и её тоже.

Именно тогда, в те долгие годы одиночества в огромном дворце, полном людей, но пустом по сути, и родилось это прозвище — «фарфоровая кукла». Она была красива, безупречна, наряжена в лучшие платья, выставлена на всеобщее обозрение — и совершенно бесполезна. Она не участвовала в политике, не высказывала своего мнения на советах, не командовала армиями. Она просто существовала — как существует красивая ваза в углу комнаты, которую все видят, но никто не замечает.

Остаток дня тянулся бесконечно. Элиана пыталась занять себя привычными делами — вышивкой (она вышивала сцену охоты на единорога, но игла то и дело колола пальцы, оставляя на белой ткани крошечные алые пятнышки), чтением (она взяла томик древней поэзии, но строчки расплывались перед глазами, и она ловила себя на том, что перечитывает одну и ту же страницу по пять раз), прогулкой по саду (зимний сад был пуст и тих, лишь несколько поздних роз цвели у южной стены, но их аромат казался приторным и вызывал головную боль). Но

мысли постоянно возвращались к утреннему суду. К этому странному пленному с его невозмутимым взглядом. К тому, что он убил королевского мага. К тому, что отец дал ей задание — первое настоящее задание за всю её жизнь.

Арлена из дома Винсент она знала — вернее, знала его репутацию. Он был легендой ещё при жизни, а теперь, после смерти, его имя обрастало новыми мифами с каждым часом. Один из сильнейших магов королевства, член Тайного совета, правая рука отца — фактически второй человек в государстве после короля. Говорили, он мог читать мысли на расстоянии и видеть будущее в пламени свечи. Говорили, он мог усилием воли остановить сердце врага или вызвать бурю в ясный день. Говорили, он был бессмертен — пока не умер. И этого человека убил какой-то северный дикарь? Просто так? В бою? Или же за этим стояло что-то большее, что-то, что дознаватели не смогли или не захотели раскрыть?

Когда солнце начало клониться к закату, окрашивая небо над Дарраном в пурпурные и оранжевые тона — цвета умирающего дня, — Элиана переделалась в более скромное платье. Темно-синее, почти черное, без украшений, без вышивки, без всего того, что делало её заметной. Простой шерстяной наряд, какой могла бы носить дочь небогатого купца или младшая фрейлина. Она посмотрела на себя в зеркало и почти не узнала. Из зеркала на неё смотрела молодая женщина с серьезными глазами и плотно сжатыми губами — не фарфоровая кукла, не принцесса из сказки, а живой человек, готовый к чему-то важному.

Она распустила волосы — обычно их укладывали в сложную прическу, на что уходило не меньше часа, — и заплела их в простую косу, как делала в детстве, когда ещё не была обязана соответствовать дворцовому этикету. Это было почти символическое действие — возвращение к себе настоящей, к той Элиане, которая когда-то, до смерти матери, любила бегать босиком по траве и лазить по деревьям в дворцовом саду.

В королевский кабинет она отправилась окольными путями — не через главные коридоры, где её могли заметить придворные, а через узкие служебные проходы, известные только обитателям дворца. Здесь пахло пылью и старым деревом, а под ногами скрипели разошедшиеся половицы. Здесь не было стражников, не было шпионов, не было никого — только тени, колеблющиеся в свете редких факелов.

Кабинет отца располагался в восточном крыле дворца, вдали от шумных залов и приемных, и попасть туда можно было только по личному приглашению короля. Элиана помнила, как в детстве боялась этого места — ей казалось, что за тяжелой дубовой дверью скрывается логово дракона. Теперь она понимала, что была не так уж далека от истины. Именно здесь, в этом кабинете, решались судьбы королевства. Именно здесь плелись интриги, заключались союзы и выносились приговоры. Именно здесь её отец проводил большую часть своей жизни — в окружении карт, книг и теней прошлого.

Стражники у дверей, узнав принцессу, расступились без лишних вопросов — их предупредили. Тяжелая дверь отворилась с низким, утробным скрипом, и Элиана шагнула внутрь.

Кабинет был именно таким, каким она его помнила с детства. Огромные стеллажи с книгами, многие из которых были старше самой династии Дарианов — кожаные корешки потрескались от времени, золотое тиснение стерлось, а некоторые фолианты были прикованы к полкам цепями, чтобы их содержимое не попало в случайные руки. Карта королевства на всю стену, испещренная пометками и булавками с разноцветными флажками — красные обозна-

чали вражеские позиции, синие — свои, зеленые — союзные, желтые — нейтральные. Элиана помнила, как в детстве часами разглядывала эту карту, пытаясь представить себе далекие страны и неведомые земли, которые за ней скрывались. Массивный дубовый стол, заваленный свитками, письмами и донесениями — бумажное море, в котором её отец ориентировался с легкостью прирожденного мореплавателя. И запах — этот особый, ни с чем не сравнимый запах королевского кабинета: старые книги, горячий воск, сухие чернила и отцовский табак, который он курил только когда оставался один. Терпкий, чуть сладковатый дым висел в воздухе тонкой пеленой, и Элиана невольно вдохнула его полной грудью. Запах детства. Запах тайны.

Дариан сидел в кресле у камина, глядя на огонь. В камине потрескивали березовые поленья, и языки пламени плясали на почерневших от сажи камнях, отбрасывая причудливые тени на стены. Король не обернулся, когда она вошла, — он наверняка слышал скрип двери, слышал её шаги, но продолжал смотреть в огонь, будто видел там что-то, доступное только ему одному. Жестом, не поворачивая головы, он указал ей на соседнее кресло — такое же массивное, обитое потертой кожей, с высокой спинкой, на которой были вырезаны гербовые розы. Элиана села, сложив руки на коленях, и стала ждать.

Молчание длилось долго. Очень долго. Огонь в камине успел пожрать одно полено и пристаться за другое, прежде чем король заговорил. Элиана знала эту его привычку — он никогда не начинал разговор сразу. Ему нужно было время, чтобы собраться с мыслями, выстроить их в нужном порядке, отбросить лишнее. В этом они были похожи — она тоже не умела говорить, не подумав.

— Ты знаешь, почему этот северянин ещё жив? — спросил он наконец, не отрывая взгляда от пламени. Голос его звучал глухо, будто шел откуда-то из глубины груди.

— Потому что вы хотите что-то от него узнать, — ответила Элиана, стараясь, чтобы её голос звучал уверенно. — То, что не смогли испытать ваши дознаватели. То, ради чего стоит отложить казнь на семь дней.

Король усмехнулся — сухо, без веселья, одним уголком рта.

— Мои дознаватели — лучшие в королевстве. Их обучали в Тайной башне, они проходят специальную подготовку, которая длится десять лет. Они умеют развязывать языки даже мертвецам — это не преувеличение, есть определенные ритуалы, которые позволяют допросить тело в первые часы после смерти. Мерзость, но иногда необходимая. — Он помолчал, барабанив пальцами по подлокотнику кресла — сухими, царственными пальцами с тяжелыми перстнями. — Но этот дикарь... он другой. Его пытали три дня подряд, Элиана. Три дня. Ты знаешь, что это значит?

Элиана молча покачала головой. Она не знала. Её никогда не пускали в подземелья дворца, и она была благодарна отцу за это.

— После первых суток, — продолжал король, и его голос звучал почти буднично, как если бы он рассказывал о погоде или о ценах на зерно, — человек обычно ломается и начинает говорить всё, что угодно, лишь бы боль прекратилась. Это инстинкт, с ним невозможно бороться. Тело предает разум. После вторых суток он уже не может отличить правду от лжи и выдает то, что, как ему кажется, хотят услышать. Память путается, сознание мутится, и человек может признаться в чем угодно — даже в том, чего не совершал. После третьих суток...

после третьих суток большинство просто умирает. Сердце не выдерживает. Или разум гаснет, оставляя тело пустой оболочкой. А этот — он молчал. Всё время молчал. Ни крика, ни стоны, ни слова. Только смотрел. — Король повернулся к ней, и в свете камина его лицо казалось высеченным из камня — резкие тени легли под скулами, в глазницах, в глубоких складках у рта. — И знаешь, что самое страшное? Его глаза. Дознаватели — закаленные люди, прошедшие не одну войну, видевшие такое, что простому человеку и в кошмарах не привидится, — они просили перевести их в другое крыло. Они не могли спать по ночам после его допросов. Они говорили, что он смотрит на них так, будто знает что-то. Будто видит что-то. Будто это не они его пытаются, а он их.

Элиана почувствовала, как холодок пробежал по спине — от копчика до самого затылка, заставляя волоски на шее встать дыбом. Она вспомнила этот взгляд. Она видела его сегодня, там, в зале. И она понимала, о чем говорят дознаватели.

— И вы думаете, что я смогу его разговорить? — спросила она, и её голос прозвучал тихо, почти шепотом. — Если лучшие дознаватели не смогли...

— Ты — возможно, — перебил её Дариан. Он снова повернулся к камину, но теперь Элиана видела его профиль — резкий, четкий, как на старинных монетах. — Он не боится боли. Не боится смерти. Это очевидно. Возможно, он вообще ничего не боится, и тогда его ничем не проймешь. Но ты — ты другое дело. Ты не дознаватель. Ты не палач. Ты не угроза. Ты — принцесса, прекрасная и хрупкая, точно фарфоровая статуэтка. Именно так тебя видят все вокруг, не так ли?

Элиана стиснула зубы так, что челюсти свело судорогой. Она ждала чего-то подобного, она знала, что отец скажет эти слова — «фарфоровая статуэтка», — но всё равно было больно. Больно, потому что это говорил не кто-то из придворных сплетниц, а её собственный отец. Человек, который должен был верить в неё больше всех. Но она промолчала. Она научилась проглатывать обиду много лет назад, и сейчас было не время давать волю чувствам.

Король продолжал, будто не заметив её напряжения:

— Вот что мне нужно. Остатки его армии — это не просто кучка беглых крестьян с вилами, как пытаются представить наши генералы. Я видел донесения. Я говорил с выжившими после налетов. Это обученные воины, которые знают северные земли лучше, чем любой картограф. Они родились в этих горах, они выросли в этих лесах, они дышат этим воздухом. Они могут проходить там, где наша армия застрянет намертво. Они скрываются где-то в горах — вероятно, в одной из старых крепостей, построенных ещё до основания Даррана, — и мои разведчики не могут их найти. Если мы не уничтожим их сейчас, до зимы, — к весне они снова нанесут удар. Они восстановят силы, пополнят припасы, возможно, заключат союз с кем-то из горных кланов, которые до сих пор не определились, на чьей они стороне. И тогда всё начнется заново. Три года войны, тысячи погибших — всё это окажется напрасным.

Он замолчал, и в наступившей тишине слышно было только, как потрескивают дрова в камине да где-то вдалеке, за стенами дворца, перекликаются ночные стражники.

— Арлен, — голос короля дрогнул при упоминании имени мага, и впервые за весь вечер Элиана услышала в нем настоящую эмоцию. — Арлен был единственным, кто мог выследить их с помощью магии. Он мог найти любого человека в любой точке королевства — ему достаточно

было капли крови или пряди волос. Он был моими глазами и ушами. Теперь его нет. Остался только Кайен. Он знает, где они прячутся. Он — единственная ниточка, ведущая к ним.

— И вы хотите, чтобы я выведала это у него, — закончила Элиана. — За семь дней.

— За семь дней. Каждый день ты будешь приходить к нему в камеру. Говорить с ним. Слушать его. — Король повернулся к ней, и теперь его взгляд был не отстраненным, а острым, сфокусированным, пронзающим насквозь. — Ты умна, Элиана. Гораздо умнее, чем позволяешь видеть окружающим. Я знаю, ты специально притворяешься глупее, чем есть, — это твой способ защиты, и я его понимаю. Но сейчас это не нужно. Сейчас мне нужна твоя настоящая. Ты умеешь слушать — по-настоящему слушать, — и слышать то, что скрыто между слов. Этому не учат в школах, это либо есть, либо нет. У тебя это есть. Используй это.

Элиана опустила глаза. Слова отца попали в цель — да, она действительно притворялась. С тех самых пор, как поняла, что умных женщин при дворе боятся, а глупых — презирают, но при этом не считают угрозой. Она выбрала меньшее из зол. Она играла роль пустоголовой красавицы, интересующейся только нарядами и балами, и за эти годы так вжилась в неё, что иногда сама забывала, какая она на самом деле.

— А если он просто не станет со мной разговаривать? — спросила она. — Если он будет молчать так же, как молчал с дознавателями?

— Заговорит, — Дариан усмехнулся. Это была странная усмешка — одновременно циничная и усталая. — Ты слишком красива, чтобы он смог устоять. Все мужчины рано или поздно начинают говорить с красивыми женщинами — такова наша природа, мы не можем с ней бороться. И, в конце концов, он провел в одиночной камере уже больше двух недель. Полторы недели до суда и теперь ещё семь дней до казни. Одиночество делает с людьми странные вещи. Любой человек, даже самый стойкий, даже самый молчаливый, рано или поздно начинает жаждать общения. Хотя бы звука человеческого голоса. Хотя бы взгляда. А тут к нему придет принцесса — прекрасная, юная, таинственная. Он будет говорить. Вопрос лишь в том, сумеешь ли ты услышать в его словах то, что нам нужно.

Элиана подняла голову и посмотрела отцу прямо в глаза. В этот момент она чувствовала себя не принцессой, не дочерью, а скорее солдатом, получающим боевое задание.

— Я сделаю это, — произнесла она. Её голос больше не дрожал. — Но у меня есть условие.

Дариан приподнял бровь — этот жест она видела сотни раз, он означал смесь удивления и любопытства.

— Условие? Ты ставишь условия королю?

— Я ставлю условия отцу, — поправила она. — Если я узнаю то, что вам нужно, — если я добуду информацию, которую не смогли добыть ваши лучшие дознаватели, — вы сохраните ему жизнь.

Король долго смотрел на неё, и этот взгляд был тяжелым, испытующим. Он изучал её лицо, будто видел его впервые — или будто искал в нем черты её матери. Элиана выдержала

этот взгляд, не отводя глаз, хотя внутри у неё всё дрожало. Она понимала, что просит о невозможном. Убийца королевского мага, вождь враждебной армии, человек, на руках которого кровь тысяч подданных королевства, — такой человек не мог остаться в живых по законам королевства. Даже король не имел права отменить приговор без веских оснований, без одобрения Совета лордов, без соблюдения десятков формальностей. И всё же она просила.

— Почему? — спросил он наконец. В его голосе не было гнева, только любопытство — искреннее, неподдельное. — Почему тебя волнует жизнь этого человека? Он враг. Он убил Арлена. Он убил тысячи наших людей. Почему ты хочешь сохранить ему жизнь?

Элиана глубоко вздохнула, собираясь с мыслями.

— Потому что я не хочу, чтобы моя первая настоящая миссия закончилась чьей-то смертью, — сказала она. — Позвольте мне доказать, что я могу добиваться целей иначе. Не так, как вы, не так, как ваши дознаватели, не так, как ваши генералы. По-своему. Вы сказали, что я умна. Дайте мне шанс доказать это не словами, а делом. Если я смогу узнать то, что вам нужно, без пыток, без угроз, без насилия, — это будет значить, что мой способ работает. Что я действительно чего-то стою. Что я не просто фарфоровая кукла.

Последние слова она произнесла с горечью, которой не смогла скрыть, и король это заметил. Его лицо на мгновение смягчилось — настолько, насколько вообще могло смягчиться лицо человека, проводшего тридцать лет на троне.

— Хорошо, — сказал он медленно. — Узнай, где скрывается его армия, и я подумаю о замене приговора. Пожизненное заточение в отдаленной крепости. Или изгнание на необитаемый остров — есть один на востоке, оттуда ещё никто не возвращался. Что угодно, кроме свободы и кроме возвращения на север. Свободу ему не обещаю — это было бы равносильно объявлению войны собственному народу.

— Этого достаточно, — сказала Элиана и поднялась с кресла. Ноги слегка затекли от долгого сидения, но она не показала этого. — Я начну завтра утром. В тюремном крыле, я полагаю?

— Да. Я распоряжусь, чтобы тебя пропускали беспрепятственно. Тебе выделяют отдельную камеру для бесед — не ту, где его держат, а ту, что рядом. Там будет стол, два стула, свет. Никаких решеток между вами. — Он помолчал. — И стража будет стоять за дверью. На всякий случай. Ты не должна оставаться с ним наедине без защиты.

Элиана уже подошла к двери, когда голос отца остановил её — как и утром, в тронном зале.

— Элиана. — Он произнес её имя так, как произносил редко, — с теплотой, с тревогой, почти с нежностью. — Будь осторожна. Этот человек опасен. Не забывай, что он убил Арлена — а Арлен был одним из сильнейших магов этого столетия, возможно, самым сильным со времен основания королевства. Я не знаю, как именно он это сделал, но то, что он сумел, говорит о многом. Этот человек не прост. Не позволяй его внешности обмануть тебя. Не позволяй его словам обмануть тебя. Ты идешь в логово зверя, и этот зверь умеет притворяться ручным.

— Я буду осторожна, — пообещала она, и на этот раз это было настоящее обещание — не просто слова, брошенные через плечо.

Она вышла в коридор и прикрыла за собой тяжелую дубовую дверь. В коридоре было темно и холодно, факелы на стенах почти догорели, и их тусклый свет едва разгонял тени. Элиана прислонилась спиной к холодной каменной стене и закрыла глаза. Сердце колотилось где-то у горла, в висках стучало, и она чувствовала, как кровь пульсирует во всем теле — в кончиках пальцев, в запястьях, в шее. Ей предстояло сделать то, чего не смогли сделать лучшие дознаватели королевства — заставить говорить человека, который выдержал три дня непрерывных пыток и не проронил ни звука. И у неё было всего семь дней.

Семь дней. Тысяча сто часов — или около того. Время, которое можно измерить ударами сердца, вдохами и выдохами, сменами дня и ночи. Время, которое пролетит как одно мгновение, если она не справится, и растянется на вечность, если она будет на верном пути.

Ночью, уже лежа в своей постели, Элиана долго не могла уснуть. Она ворочалась с боку на бок, взбивала подушку, переключивала одеяло — всё было бесполезно. Сон не шел. Мысли кружились в голове, точно стая воронов над полем битвы, и каждая из этих мыслей была черной и тревожной.

Она прокручивала в голове всё, что знала о северных кланах, — а знала она, как выяснилось, до обидного мало. Северные земли были огромны и почти не исследованы. Картографы королевства нанесли на карту лишь узкую полосу вдоль границы, да и то приблизительно. Дальше начинались горы, ущелья, ледники, леса, которым не было конца и края. Там жили люди, которые никогда не видели королевского флага, никогда не платили налогов, никогда не подчинялись никакой власти, кроме власти своих вождей.

Кланов было множество — разрозненных, вечно воюющих друг с другом за скудные ресурсы: за пастбища, за охотничьи угодья, за доступ к горным перевалам. Но время от времени — раз в поколение, а то и реже — среди них появлялся лидер, способный объединить враждующие кланы под одним знаменем. Пять лет назад таким лидером стал Кайен. Никто не знал, откуда он взялся, из какого клана происходил, кто были его родители. Он появился будто из ниоткуда — и за два года сумел то, чего не удавалось никому за последние сто лет. Он сплотил кланы и повел их на юг, на плодородные земли Дарранийского королевства.

Война длилась три года. Три долгих, кровавых года, за которые северяне продвинулись дальше, чем когда-либо прежде. Они захватили семнадцать приграничных деревень, несколько укрепленных фортов и даже один город — правда, ненадолго. Королевская армия, изначально застигнутая врасплох, постепенно оправилась от шока и начала давать отпор. Перелом наступил в битве при Ледяном перевале — крупнейшем сражении за всю историю войны, в котором участвовало, по разным оценкам, от двадцати до тридцати тысяч человек с обеих сторон. Армия северян была разбита, сам Кайен попал в плен — его скрутили шестеро гвардейцев, навалившись разом, и даже тогда он сумел сломать руку одному из них. Но часть его войска — самая боеспособная, самая преданная, те, кого он называл своей личной гвардией, — ушла в горы и затаилась там, точно змея, готовая к броску.

Элиана перевернулась на бок, подтянув колени к груди. Она вспомнила его лицо там, в судном зале. Спокойные светлые глаза, которые смотрели сквозь неё и видели что-то такое, чего она сама о себе не знала. Он не выглядел как человек, сломленный пытками и ожиданием

казни. Он не выглядел как человек, смилившийся со своей участью. Скорее наоборот — он выглядел как человек, у которого есть план. Четкий, продуманный, просчитанный до мелочей план, и этот план каким-то образом включал в себя эти семь дней отсрочки.

Но зачем? Зачем ему понадобилась отсрочка? Если он такой сильный, каким его описывают, — почему он вообще позволил взять себя в плен? Почему не погиб в бою, как подобает вождю? Почему не пытался бежать, когда его везли в столицу? Почему не пытался договориться с королем, предложить что-то в обмен на жизнь? Почему не делал вообще ничего, чтобы спасти себя?

Вопросы роились в голове, и ни на один из них не было ответа. Элиана села на постели и зажгла свечу — маленький огонек затрепетал на сквозняке, отбрасывая на стены дрожащие тени. В колеблющемся пламени ей на мгновение почудилось лицо Кайена — такое же, каким она увидела его днем. Светлые глаза. Спокойный взгляд. Тень улыбки в уголке губ.

Она тряхнула головой, отгоняя наваждение. Это просто игра воображения. Просто усталость. Просто нервы.

Завтра она увидит его снова. Завтра она войдет в его камеру и попытается сделать то, что не удалось никому — ни дознавателям с их раскаленным железом и дыбой, ни генералам с их угрозами и посулами, ни самому королю с его холодным расчетом. Завтра начнется её игра — и это будет именно игра, потому что иначе она не сможет. Потому что если она будет думать об этом как о чем-то большем, как о миссии, от которой зависит судьба королевства, она просто не выдержит этого груза.

Элиана задула свечу и легла обратно, натянув одеяло до подбородка. За окном, за плотными шторами, занимался рассвет — серый, пасмурный, какой обычно бывает в начале зимы. Где-то вдалеке, на тюремной башне, пробил колокол — шесть ударов, глухих и протяжных.

Она не спала всю ночь. И где-то глубоко внутри, в самом дальнем уголке души, куда она сама боялась заглядывать, она чувствовала: эти семь дней изменят всё. Изменят её саму. Изменят её представление о мире. Может быть, изменят даже ход истории. И от этой мысли ей становилось страшно — и одновременно захватывающе, как перед прыжком в ледяную воду. Завтра. Всё начнется завтра.

Глава 2. Хлеб без мышьяка

Утро выдалось серым и промозглым — именно таким, каким обычно бывает утро в Дарране в конце осени, когда зима уже дышит в затылок, но ещё не решается заявить о себе в полный голос. Тяжелые тучи, низкие и плотные, точно слежавшаяся овечья шерсть, висели над городом, цепляясь за шпили дворцовых башен. Моросил мелкий дождь — не ливень даже, а так, водяная пыль, которая умудрялась проникать повсюду, забираться под одежду, оседать на волосах и ресницах. Элиана стояла у окна своей спальни, глядя на мокрые крыши столицы, и пыталась собраться с мыслями.

Она почти не спала. Всю ночь она прокручивала в голове предстоящий разговор — если это можно было назвать разговором. Она не знала, с чего начать. Не знала, как подступиться к человеку, который молчал под пытками. Не знала, что можно предложить тому, кто уже приговорен к смерти и, кажется, совершенно с этим смирился. Всё, что она напридумывала за ночь — а она напридумывала десятки вариантов, от мягкого сочувствия до холодного допроса, — теперь казалось ей глупым, наивным, бесполезным.

Она отошла от окна и критически осмотрела себя в высоком зеркале. Сегодня она выбрала нарочито простой наряд — темно-серое шерстяное платье без единого украшения, без вышивки, без кружев. Никаких драгоценностей, кроме тонкой серебряной цепочки с кулоном — маленьким сапфиром, подарком матери, который она никогда не снимала. Волосы она заплела в тугую косу, перебросив её через плечо. Никакой косметики. Никаких духов. Она хотела выглядеть не принцессой, а просто женщиной — серьезной, спокойной, неопасной. Человеком, с которым можно говорить. Человеком, которому можно доверять.

«Доверять, — повторила она про себя и горько усмехнулась. — Я иду туда, чтобы обманом выведать у него информацию, которую он отказывался выдать под пытками, и при этом хочу, чтобы он мне доверял. Какая ирония».

Тюремное крыло дворца находилось в северной башне — самой старой, построенной ещё в те времена, когда Дарран был не столицей королевства, а пограничной крепостью, отражавшей набеги с моря. Чтобы попасть туда из жилой части дворца, нужно было пройти через весь внутренний двор, спуститься по винтовой лестнице, вырубленной прямо в скальном основании, и миновать три поста стражи. Элиана шла по мокрым булыжникам двора, чувствуя, как дождь оседает на лице, и думала о том, что этот путь — от света и тепла королевских покоев к сырому холоду подземелья — был своего рода метафорой. Она спускалась в иной мир, мир, в котором действовали другие законы и говорили на другом языке.

Стражники у входа в башню вытянулись по стойке смирно, узнав принцессу. Капитан стражи — немолодой уже мужчина с лицом, изрезанным шрамами, как старая разделочная доска, — шагнул вперед и поклонился.

— Ваше Высочество, — произнес он с той особой интонацией, в которой смешивались уважение и плохо скрытое недоумение. Он явно не понимал, что принцесса забыла в тюремном крыле, но приказ короля был недвусмысленным: пропускать, не задавать вопросов, обеспечить безопасность. — Всё готово, как вы распорядились. Камера для бесед в конце коридора. Узник уже там.

— Благодарю, капитан. — Элиана постаралась, чтобы её голос звучал ровно, по-деловому. — Охрана пусть остается за дверью. Если мне понадобится помощь, я позову.

Капитан помялся, явно желая возразить — всё-таки оставлять принцессу наедине с опасным преступником, убийцей королевского мага, было, по его мнению, верхом безрассудства, — но дисциплина взяла верх. Он молча кивнул и посторонился, пропуская её.

Лестница вниз была крутой и узкой, ступени — стертыми тысячами ног за столетия использования. Факелы на стенах чадили, распространяя запах горячей смолы, и их света едва хватало, чтобы разглядеть путь под ногами. Чем глубже она спускалась, тем холоднее и сырее становился воздух, тем громче звучало эхо её шагов. Где-то внизу капала вода — мерно, монотонно, с интервалом в несколько секунд. Этот звук, наверное, сводил узников с ума. Элиана подумала, что для этого он, возможно, и был создан.

Коридор, в котором находилась камера для бесед, был пуст, если не считать двух стражников, застывших у двери. Они тоже поклонились принцессе и расступились. Дверь была тяжелой, обитой железными полосами, с маленьким зарешеченным окошком на уровне глаз. Элиана на мгновение задержалась перед ней, собираясь с духом, и — прежде чем успела передумать — решительно толкнула её.

Камера оказалась не такой ужасной, как она ожидала. Видимо, отец сдержал слово и распорядился подготовить помещение для бесед. Это была небольшая комната без окон, освещенная двумя масляными лампами, стоявшими на грубо сколоченном деревянном столе. Два стула — один с одной стороны стола, другой с противоположной. На столе — ничего, только неровная поверхность досок, потемневших от времени. Стены из грубого камня, кое-где покрытые пятнами плесени. Пол — холодные каменные плиты. И всё. Никакой роскоши, никаких намеков на комфорт. Но, по крайней мере, здесь не было решеток, разделяющих собеседников, не было цепей, свисающих с потолка, не было запаха крови, который она ожидала почувствовать после рассказов о пытках. Только запах сырости, старого камня и лампового масла.

И он. Он уже был здесь. Сидел на стуле в дальнем конце комнаты, спиной к двери, и не обернулся, когда она вошла. Его руки по-прежнему были скованы за спиной — на этот раз обычными железными кандалами, без магической подсветки, — но в остальном он выглядел почти так же, как вчера в судном зале. Та же серая рубаша, те же спутанные волосы, та же поза — спокойная, расслабленная, будто он сидел не в тюремной камере в ожидании казни, а в собственной гостиной.

Элиана закрыла за собой дверь, отрезая звуки коридора, и несколько секунд стояла неподвижно, не зная, что делать. Она представляла себе этот момент сотни раз за ночь, но теперь, когда он настал, все заготовленные фразы вылетели у неё из головы. Она просто стояла и смотрела на его спину, на то, как вздымается и опускается ткань рубашки в такт дыханию — ровному, глубокому, совершенно спокойному.

— Доброе утро, — произнесла она наконец. Её голос прозвучал тише, чем ей хотелось бы, и она мысленно отругала себя за это. Принцесса должна говорить уверенно.

Он не ответил. Даже не пошевелился.

Элиана медленно обошла стол и села на стул напротив него. Теперь она могла видеть его лицо. В тусклом свете масляных ламп оно казалось высеченным из старого дерева — грубое, резкое, с глубокими тенями под скулами и в глазницах. Щетина на подбородке отросла ещё сильнее, чем вчера, придавая ему ещё более дикий вид. На лбу, прямо над левой бровью, темнел свежий синяк — видимо, результат вчерашнего удара стражника. Но глаза... глаза были те же. Светлые, прозрачные, спокойные. Они смотрели прямо на неё, и в их глубине не было ни ненависти, ни страха, ни мольбы. Только спокойное, изучающее внимание. Так смотрит натуралист на неизвестный вид бабочки, размышляя, стоит ли добавить её в коллекцию.

Молчание затягивалось. Элиана понимала, что это, возможно, часть его тактики — заставить её нервничать, заставить её говорить первой, заполнять тишину неосторожными словами. Но она тоже умела ждать. Она сложила руки на столе — спокойно, неторопливо — и просто сидела, глядя на него в ответ. Пусть это будет дуэль взглядов. Пусть он поймет, что она не боится тишины.

Прошла минута. Другая. Третья. Тишина в камере стояла такая глубокая, что Элиана слышала не только капли воды в коридоре, но и собственное сердцебиение, и потрескивание фитилей в лампах, и даже, кажется, дыхание стражников за дверью.

И вдруг он заговорил.

— Хлеб, который мне принесли утром, был без мышьяка, — произнес он. Голос у него оказался низким, с хрипотцой — видимо, результат долгого молчания и, возможно, поврежденных голосовых связок. Но звучал он на удивление ровно, почти лениво. — Это наводит на определенные размышления.

Элиана моргнула. Из всех возможных вариантов начала разговора этот был, пожалуй, самым неожиданным. Она ожидала грубости. Ожидала насмешек. Ожидала, возможно, философских размышлений о смерти. Но не обсуждения тюремного рациона с точки зрения содержания в нем ядов.

— Вы полагаете, вас должны были отравить? — спросила она, стараясь, чтобы её голос звучал так же спокойно, как и его.

— Я полагаю, — он слегка наклонил голову, и тени на его лице сместились, делая его похожим на хищную птицу, — что если король дает человеку семь дней вместо немедленной казни, то у этого человека есть основания ожидать чего угодно. Включая яд. Включая нож в спину. Включая подосланную женщину.

— Я не подосланная женщина, — сказала Элиана, чувствуя, как щеки заливают румянец — то ли от гнева, то ли от смущения. — Я принцесса Элиана. Дочь короля.

— Я знаю, кто вы, — ответил он спокойно. — Я видел вас вчера. Вы стояли за тронном и смотрели на меня так, будто пытались прочесть мысли. И ещё вы единственная во всем зале, кто не отвел взгляд, когда я поднял голову. Это было... любопытно.

Он выделил последнее слово — «любопытно» — с той же интонацией, с какой пробуют на вкус незнакомое блюдо. И Элиана вдруг поняла, что он с ней играет. Не как кошка с мышкой, нет — скорее как шахматист с достойным противником. Он оценивал её. Просчитывал.

— Раз уж мы обменялись любезностями, — произнес он, и в его голосе послышалась тень усмешки, — позвольте мне дать вам имя. Имена важны, вы не находите?

— У меня есть имя.

— У вас есть титул. Это разные вещи. — Он помолчал, разглядывая её так пристально, что ей захотелось отвести взгляд, но она заставила себя выдержать. — Я буду называть вас Ваше Любопытство. Потому что вы пришли сюда не из сострадания и не из жестокости. Вы пришли, потому что вам интересно. Интересно, что я такое. Интересно, почему я убил вашего мага. Интересно, почему я ещё жив. Любопытство — это то, что горит в ваших глазах прямо сейчас, как бы вы ни пытались это скрыть за королевской выдержкой.

Элиана почувствовала, как внутри закипает раздражение. Не на него — на себя. Потому что он был прав. Ей действительно было интересно. Ей было интересно с того самого момента, как она увидела его в судном зале. И то, что он так легко это считал, выводило её из себя.

— Хорошо, — сказала она, решив сменить тактику. Раз он не хочет играть в дипломатию, она тоже не будет. — Давайте поговорим прямо. Вы знаете, зачем я здесь.

— Догадываюсь. — Он откинулся на спинку стула настолько, насколько позволяли скованные руки, и впервые за всё время их беседы на его губах появилось что-то отдаленно похожее на улыбку. — Ваш отец хочет знать, где прячутся мои люди. Его дознаватели не смогли выбить это из меня. Его маги не смогли прочесть это в моих мыслях. И теперь он решил попробовать другой подход. Более... изящный. Прислал вас.

— Вы очень проницательны.

— Я жив. Это примерно одно и то же. На севере, знаете ли, проницательность — не роскошь, а средство выживания. Если ты не можешь просчитать намерения человека по его глазам за первые три секунды, ты не доживаешь до четвертой.

Он говорил легко, почти небрежно, и Элиана вдруг осознала, что их роли странным образом поменялись. Она пришла сюда как охотник, как тот, кто задает вопросы и ждет ответов. А вместо этого она сидит и слушает его, как ученица — учителя. Это нужно было исправлять.

— Тогда вы понимаете, — сказала она, подавшись вперед, — что я здесь не для того, чтобы пытаться вас или угрожать. Я предлагаю другое. Информацию в обмен на условия.

— Условия? — Он приподнял бровь, и в его светлых глазах мелькнул огонек интереса. — Человеку, которому осталось жить шесть дней, вы предлагаете условия?

— Шесть с половиной, — поправила она. — И да, предлагаю. Вы находитесь в камере, которая, я полагаю, не отличается особым комфортом. Вам приносят еду, которую даже крысы едят с отвращением. У вас нет ничего, кроме этих каменных стен и ваших мыслей. Я могу это изменить.

— Продолжайте. — Он склонил голову набок, и теперь он действительно напоминал птицу — крупную, хищную, внимательную.

— Я могу распорядиться, чтобы вам приносили нормальную еду. Не отравленную, — добавила она с легкой иронией. — Могу принести вам книги. Могу сделать так, чтобы ваша камера освещалась лучше и отапливалась. В конце концов, я могу просто сделать так, чтобы вас перестали избивать при каждом удобном случае. Всё это — в обмен на информацию.

Он помолчал. Потом — совершенно неожиданно — рассмеялся. Смех у него был странным: негромким, хрипловатым, но при этом совершенно искренним, будто она только что сказала самую остроумную шутку, которую он слышал за последние годы.

— Книги, — произнес он, отсмеявшись. — Вы предлагаете мне книги. Человеку, которого через шесть с половиной дней поведут на плаху. Книги.

— А что в этом смешного?

— Всё. — Он качнул головой, и его спутанные волосы упали на лицо. — На севере есть поговорка: «Перед смертью не надышишься». Знаете, что она означает?

— Догадываюсь.

— Это означает, что когда конец близок, никакие удовольствия уже не имеют значения. Ни еда, ни книги, ни теплая постель. Всё это — пыль. Пыль, которая не стоит ни одного произнесенного слова. — Он подался вперед, насколько позволяли кандалы, и теперь его лицо оказалось совсем близко к её лицу. Элиана почувствовала запах — не грязи и не пота, как она ожидала, а чего-то иного, терпкого и горьковатого, как сухая полынь. — Вы, Ваше Любопытство, пытаетесь подкупить меня тем, что для меня не имеет цены. Это всё равно что предлагать утопающему стакан воды.

Элиана молчала. Она чувствовала, как краска гнева заливает щеки, и ничего не могла с этим поделать. Он не просто отверг её предложение — он высмеял его. Высмеял её. И что самое отвратительное — он был прав. Она действительно не подумала о том, что человеку, стоящему на пороге смерти, вряд ли нужны книги и хороший ужин.

— Что же вам нужно? — спросила она, и её голос прозвучал жестче, чем она хотела. — Что для вас имеет цену?

— А вы догадайтесь, — ответил он, и на его губах снова мелькнула та самая тень улыбки. — Вы умная девушка. Я вижу это по вашим глазам. Ваш отец это тоже видит — именно поэтому он прислал вас, а не очередного палача с раскаленными щипцами. Так догадайтесь. Что нужно человеку, который знает, что скоро умрет?

Элиана смотрела на него, и мысли вихрем крутились в голове. Месть? Нет, он не выглядел как человек, одержимый мстостью. Свобода? Невозможно, отец никогда не согласится. Спасение его людей? Возможно, но он понимает, что она не в силах это гарантировать. Так что же?

Она не знала ответа. И он знал, что она не знает.

— Я приду завтра, — сказала она, поднимаясь со стула. Движение было резким — слишком резким для принцессы, обученной плавным, грациозным жестам. — И мы продолжим этот разговор.

— Непременно, Ваше Любопытство. — Он тоже поднялся, хотя и с видимым усилием — кандалы мешали ему сохранять равновесие. — Буду ждать с нетерпением. Знаете, за последние две недели я не слышал ни одного человеческого голоса, если не считать криков дознавателей и ругани стражи. Ваш голос... он приятный. Даже когда вы злитесь.

Элиана ничего не ответила. Она повернулась и вышла из камеры, стараясь держать спину прямой, а голову — высоко поднятой. Она знала, что он смотрит ей вслед, и не доставит ему удовольствия увидеть её смущенной или растерянной.

Дверь за ней закрылась с тяжелым лязгом, и она на мгновение прислонилась к холодной стене коридора, переводя дыхание. Сердце колотилось как бешеное, а в ушах всё ещё звучал его голос — низкий, хрипловатый, произносящий это дурацкое прозвище: «Ваше Любопытство».

Он дал ей имя. Северный дикарь, пленник, человек без будущего — дал имя принцессе Дарранийского королевства. И она не нашлась, что ответить. Проиграла первый раунд всухую.

Капитан стражи, ожидавший за дверью, шагнул к ней с немим вопросом на лице. Элиана взяла себя в руки и произнесла, стараясь, чтобы голос звучал ровно:

— Капитан. Узнику сегодня вечером подать нормальный ужин. Не баланду, которой вы кормите арестантов, а нормальную еду. Мясо. Хлеб. Вино.

Капитан удивленно моргнул.

— Ваше Высочество, но...

— Это приказ, — отрезала она. — И передайте на кухню: если я узнаю, что в его еду что-то подмешали, отвечать будут лично повара. Вы меня поняли?

— Так точно, Ваше Высочество.

Элиана кивнула и направилась к лестнице, ведущей вверх — туда, где был свет, воздух и привычный мир дворцовых интриг. И только оказавшись наверху, во внутреннем дворе, под морозящим дождем, она позволила себе выдохнуть.

Он не принял её условия. Он высмеял её предложение. Он разгадал её тактику в первые же минуты. И всё же...

И всё же, поднимаясь по лестнице, она поймала себя на том, что улыбается. Потому что он заговорил. Он говорил с ней. Он дал ей имя. И это было началом — каким бы странным и непредсказуемым оно ни казалось.

Маленькая победа. Очень маленькая. Но она была. И завтра, когда она снова спустится в подземелье, у неё будет новый план. Она найдет то, что имеет для него цену. Она обязательно

найдет. Потому что она принцесса Элиана, а не «фарфоровая кукла». И она не привыкла проигрывать.

Дождь усилился, и крупные капли застучали по булыжникам двора, по крышам, по листьям поздних роз в дворцовом саду. Элиана подставила лицо дождю, позволяя холодным струям остудить горящие щеки. Где-то вдалеке, на городской башне, пробил полуденный колокол. Двенадцать ударов — мерных, тяжелых, неумолимых.

Пять с половиной дней. У неё оставалось пять с половиной дней, чтобы понять человека, который молчал под пытками, смеялся над смертью и называл её «Ваше Любопытство». Пять с половиной дней, чтобы вывести тайну, от которой зависела безопасность всего королевства.

И самое странное — где-то глубоко внутри, в том самом уголке души, куда она боялась заглядывать, — она чувствовала не страх и не отчаяние. Она чувствовала азарт. Тот самый азарт, который она испытывала в детстве, когда играла с отцом в шахматы и наконец-то начала понимать его стратегию.

«Вы умная девушка. Я вижу это по вашим глазам».

Она тряхнула головой, отгоняя непрошеное воспоминание о его голосе, и направилась во дворец. Нужно было готовиться к завтрашнему дню. Нужно было читать донесения о северных кланах. Нужно было думать.

И нужно было найти ответ на вопрос, который он ей задал: что нужно человеку, который знает, что скоро умрет?

Глава 3. Игра в кости

На третий день Элиана пришла в темницу с игральными костями. Это решение созрело не сразу. После провала первого визита — а она считала его провалом, несмотря на маленькую победу с ужином, — принцесса провела бессонную ночь, размышляя о том, что пошло не так. Она предлагала пленнику комфорт, книги, нормальную еду — всё то, что, по её представлениям, должен желать человек, лишенный свободы. Но он лишь рассмеялся ей в лицо своей поговоркой про то, что перед смертью не надышишься. Ему не нужны были материальные блага. Ему не нужны были книги. Ему, кажется, вообще ничего не было нужно — кроме, возможно, того загадочного «чего-то», о котором он предложил ей догадаться.

Весь второй день она провела в королевской библиотеке, перебирая донесения разведчиков, отчеты о допросах других северян, старые хроники, описывающие обычаи горных кланов. Она искала ключ — любую зацепку, которая помогла бы ей понять, чем живет и дышит этот человек, что для него ценно, что может заставить его говорить. Но донесения были скудными и противоречивыми. Северяне в них описывались то как кровожадные дикари, не знающие ничего, кроме войны, то как мрачные философы, поклоняющиеся древним богам, то как искусные ремесленники, чьи клинки ценились дороже золота. Правда, как всегда, лежала где-то посередине, и Элиана не знала, где именно.

К вечеру второго дня она отложила бумаги и честно призналась себе: она не знает, как разговорить Кайена. Все её попытки выстроить стратегию разбивались о его непредсказуемость. Он был не похож ни на одного из тех людей, с которыми ей приходилось иметь дело при дворе. Он не поддавался на лесть, не боялся угроз, не соблазнялся посулами. Он просто сидел и смотрел — спокойно, внимательно, чуть насмешливо, — и ждал, когда она допустит ошибку.

И тогда, уже поздно ночью, когда за окном выла осенняя буря и дождь хлестал по стеклам, Элиана вдруг вспомнила кое-что. В детстве, когда она ещё не была «фарфоровой куклой», когда мать была жива, а отец ещё находил время для семьи, они иногда играли в кости. Это была простая игра — бросаешь кубики, считаешь очки, — но отец всегда говорил, что она учит главному: принимать случайность, просчитывать риски, читать противника не по словам, а по движениям рук и глаз. «В кости, Элиана, невозможно солгать, — говорил он, бросая костяные кубики на стол. — Ты можешь говорить что угодно, но твои пальцы, твой взгляд, твоё дыхание — они всегда говорят правду. Научись читать их, и ты научишься читать людей».

Она не играла в кости уже много лет. Это считалось неподобающим для принцессы — азартные игры были уделом солдат, моряков и прочего простонародья. Но сейчас, лежа в темноте и слушая завывания ветра, она вдруг подумала: а почему бы и нет? Кайен не похож на человека, которого можно впечатлить дворцовым этикетом. Может быть, игра — это как раз то, что ему нужно. Может быть, за игрой он расслабится. Может быть, за игрой он проговорится.

А может быть — и в этом Элиана не хотела признаваться даже себе, — ей просто было скучно. Смертельно, невыносимо скучно во дворце, где каждый день был похож на предыдущий, где каждый разговор был предсказуем, где каждая улыбка была фальшивой. И перспектива сыграть с настоящим, живым, непредсказуемым противником — пусть даже противником, приговоренным к смерти, — вызвала в ней давно забытое чувство. Азарт. Предвкушение. Жизнь.

Утром третьего дня она отыскала в дворцовых кладовых старый набор игральных костей — три кубика из слоновой кости, потемневших от времени, с вырезанными на гранях точками. Кубики лежали в маленьком замшевом мешочке, стянутом кожаным шнурком. Элиана взвесила их в руке — приятная тяжесть, гладкая поверхность, — и улыбнулась. Если ничего не выйдет, по крайней мере, это будет интересно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.